

Отзыв официального оппонента
о диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Т.Г. Давыдова

«Правило конца слова в греческом языке: диахронический аспект»,

по специальности 10.02.14

классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Рецензируемая диссертация заполняет важную лакуну в отечественной классической филологии: в ней до сих пор не было крупных исследований по данной теме. Как правило, нормативные учебники (Э.В. Чёрный, С.И. Соболевский, А.Ч. Козаржевский, М.Н. Славягинская, Э.В. Янзина) ограничиваются указанием на то, что греческое слово не может заканчиваться на иные звуки, чем гласные, сонорные ν , ρ , свистящий ζ , а исторические грамматики, отечественные и зарубежные, указывают на то, какие согласные в конце слова изменяются, какие отпадают. Специальных исследований, посвящённых концу слова в древнегреческом, немного и за рубежом: статья Р. Уорда "The loss of Final Consonant in Greek" (Language, 1946, v.22-2); рассматривается эта проблема и в книге Р. Аллена "Vox Graeca: A Guide to Pronunciation in Classical Greek" (Cambridge 1987). Таким образом, диссертация Т.Г. Давыдова — едва ли не первое монографическое исследование проблемы. Автор поставил перед собой задачу 1) описать историческое развитие этого феномена — конца слова в греческом языке (а правила постановки звуков в нём сложились далеко не сразу); 2) рассмотреть взгляды греческих грамматиков на этот феномен; 3) охарактеризовать причины, по которым появились ограничения на постановку фонем в этой позиции; 4) выявить слова (прежде всего заим-

ствования), нарушающие эти правила; 5) проследить процесс их адаптации. Следовательно, тема диссертации актуальна.

Эпиграфический материал показывает, что нормы написания конца слова сложились далеко не сразу: многие надписи следуют фонетическому принципу, допуская на стыке слова ассимиляцию: *ἱερῶν χρημάτων*. И становление орфографической нормы привело к тому, что стал господствовать фонологический принцип. Диссертант, ссылаясь на исследование И.М. Троцкого¹ (*Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля*, Л., 1936 = СПб, 1996. С. 13) о том, что преподавание грамматики на начальном уровне сыграло роль в сохранении принципов передачи согласных. Анализируя явления конца слова, И.М. Троцкий отмечает, что звуки можно разделить на три группы: гласные (доминанты), звуки, на которые может заканчиваться закрытый слог ($\lambda, \mu, \nu, \rho, \varsigma$), звуки, допустимые только в начале слога — шумные согласные. Здесь, конечно, надо бы дать поправку, что $-\mu$ в конце слова не встречается, переходит в $-\nu$ (о чём диссертант пишет в следующем разделе). Но основная мысль становится ясной: греческая фонология допускала в конце слова только звуки, характеризующиеся хотя бы потенциальной длительностью. К ним греческое языковое сознание причисляло и сибилант $-\varsigma$, но не аффрикату ζ . Автор с помощью тщательного текстового анализа показывает, что источником сведений о конце слова явился трактат Геродиана *Περὶ παλαιῶν*, цитату из которого позднейшие авторы воспроизводили с той или иной точностью.

Также рассматриваются т.наз. «ложные исключения», т.е. словоформы, где нарушается это правило: *οὐ/ οὐκ, ἐκ/ ἐξ*, также *ἀπ', ἐπ', κατ'* — перед словом, начинающимся с гласного. Диссертант с полным основанием присоединяется к точке зрения, согласно которой они возникают при фактическом слиянии слов. Иными словами, правило конца слова распространяется не столько на лексическое, сколько на фонетическое слово. На границе проклитики и орто-

¹ После 1938 г. — Иосиф Моисеевич Тронский

тонического слова оно не действует. Следовало бы, пожалуй, разграничить явления наращения звука (*οὐκ*, ср. экспрессивное *οὐχι*), усечения гласного (*ἄπ'*, *ἐπ'*, *κατ'*) и усечение согласного (*ἐκ/ἐξ*)².

Среди идей античных грамматиков, которые подробно анализирует Т.Г. Давыдов, особый интерес с точки зрения истории греческого вызывают их рассуждения о соотношении предлогов *πρὸς* и *πρός*, *πρὸ* и *πός*. Греческие грамматики чётко различают дорийские и иные формы, говорят о взаимоотношении этих форм как «прибавлении» гласного *-i*. В настоящее время установлено, что различались они ударением. И это связано с особенностями индоевропейского локатива, формы которого репрезентируют указанные предлоги: ударение в нём неустойчиво. Ср. вед. *dyávi/ diví* 'на небе'. Конечный ударный слог сохраняется, в безударном происходит ассимиляция с отпадением конечного *-i*. Так описывают это явление Эрнст Риш, Корнелиус Рёйх и другие исследователи. Взгляд греческих грамматиков, конечно, донаучный, но поучительный: он репрезентирует фрагмент языкового сознания.

В разделе о еврейских именах, нарушающих греческое правило конца слога, обращает внимание следующее: те из них, которые имеют «разрешённый» конец слова, склоняются, с «запрещённым» — нет. Т.Г. Давыдов связывает с этим и развитие аналитизма, особенно в новозаветном койнэ: артикль выражает всю грамматическую информацию: род и падеж. Изменение склоняемости заимствованного имени — довольно распространённое явление. Так, в русском языке склоняются только заимствования, оканчивающиеся на согласный или на *-a* (женского рода); *кашне*, *кашпо*, *киви*, *какаду* остаются несклоняемыми, как и имена среднего рода *бра*, *баккара*. И можно наблюдать, как склоняемые имена заменялись на несклоняемые. Франц. *paletot* было заимствовано в XVIII в. в форме, воспроизводящей транскрипцию — *палетот*; в XIX в. появилось имя, ориентирующееся на фонетику — *пальто*. Весь XIX

² Справедливости ради отметим, что О.Н. Трубочёв (ЭССЯ, вып. 9, s.v. *jъz*) полагал, что конечное **-s* не обязательно в данном предлоге. Но этимологические соответствия свидетельствуют об обратном.

в. боролись склоняемое имя *кофей* и несклоняемое *кофе*. Тогда же появились *желе*, *фрикасе*, *суфле*, *бланманже*, несколько позже — *киви*, *какаду*. И заимствования такого рода, действительно, вносят коррективы в строй синтетического языка, увеличивают меру его аналитизма, а иногда и сближают его с формоизолирующими (ср. *А Шапиро* — *бух на канаве*). Хотя диссертация Т.Г. Давыдова посвящена классической филологии, а не типологическому языкознанию, такого рода сопоставления были бы полезны и в ней: они помогают понять суть рассматриваемого явления. Это не частный случай, а общеязыковая закономерность.

Обращаясь к заимствованиям, которые могут нарушать правила конца слова, автор подробно рассматривает лексемы *παράδεισος* ‘парк, охотничий заповедник; рай’ и *γάρος* — *γάρναθ* — *αλγοναιαθ* ‘цветущий; сад’. Первая рассмотрена весьма подробно. Автор обращается к её иранским истокам, рассматривает авест. *pairidaēza* ‘огороженное место’ и др.-перс. *paridaida* ‘парк, охотничье уголье’, < и.-е. *peri ‘вокруг’ + **d^heig^h*- ‘лепить; стена’ Т.Г. Давыдов тщательно описывает рефлексы этого композита в различных иранских языках, его функционирование в древнеперсидском и авестийском (вплоть до написания имён аутентичными алфавитами), его этимологию, делает обоснованный вывод о мидийском источнике заимствования. Но в греческом не засвидетельствован вариант этого имени, нарушающий правило конца слова. Поэтому данное исследование, при всей его филологической тщательности и безупречности, не выглядит органичным в тексте диссертации. Однако в целом раздел о словах с «нарушениями» написан очень добросовестно. А список таких слов в приложении является истинным украшением и, если можно так выразиться, венцом исследования. В целом можно с уверенностью говорить о достоверности и обоснованности выводов, сделанных в диссертации, их новизне.

Теперь обратимся к тому, чего в диссертации нет. Среди вариаций, связанных с концом слова, следует отметить свойственные наречиям: *ὦ* / *ὦς*, *οὔτω* /

οὕτως, а также *μεχρί/ μεχρίς, ἀμφί/ ἀμφίς*. Ясно, что *-ς* появляется перед гласными, так что перед нами классическое сандхиальное явление. Но откуда взялась эта морфема? Со времён К. Бругмана и Б. Дельбрюка считается, что наречия на *-w* отражают индоевропейский аблатив **-ōd* (Delbrück В. *Ablativ Localis Instrumentalis: Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax*. Berlin, 1867; Brugmann К. *Griechische Grammatik*, Leipzig 1900: 225); отметим также уникальную форму аблатива в дельфийском *φοίκω* (V в. до н.э.) Бругман приводит параллелизм греч. *ὡς βέλτιστος* и др.-инд. *yād śreṣṭhāḥ* 'наилучший' (лучший из всех) (398). Что касается аффикса *-j*, то Бругман именуёт его «или продолжением аблативного суффикса *-d*, или появившимся по аналогии с другими наречными суффиксами: *ἄχρις, ἐγγύς, ἀμφίς*». Но можно предположить и иное происхождение. «Слабые» падежи тематических основ образовались благодаря контракции тематического гласного и падежных окончаний: датив **-o-ei* > **-ōi*, аблатив **-o-ed* > **-ōd*, инструменталь **-o-e (h₁)* > **-ō*. Исконный же тематический генитив замещён различными морфемами. Но греческий суффикс *-ως*, возможно, сохранил флексию **-o-es*. Перед согласными и гласными фонемами появляются различные варианты суффикса, восходящие к флексиям близких по значению падежей.

Совершенно отсутствует в работе упоминание об *-ν ἐφέλκυστικόν* (*ἔφερε — ἔφερεν*). Конечно, этой проблеме вообще не очень много влияния уделяется в литературе, но в диссертации, посвящённой концу слова, следовало хотя бы упомянуть об этом явлении. К. Бругман (op.cit, 1900: 274) полагал, что первоисточником его была форма *ῆν*, возникшая в результате сложных аналогических процессов (заместившая исконное 3 л ед.ч. *ῆς*). Ф. Бадер (Флексии сигматического аориста // Новое в зарубежной лингвистике: Новое в современной индоевропеистике/ Сост., вступ. статья, комм. Вяч.Вс. Иванов: 339–340) считает его вариантом архаичной медиальной флексии.

Также было бы целесообразно рассмотреть особенности заменительного удлинения в конце слова, представленные в отдельных диалектах. Показа-

тельно конструкция τὸς μὲν υἱὺς... τὰ δὲ θυγατέρας (Leges Gortynae, IV 41–42) ‘сыновей... дочерей же’, где в артиклях υ перед ζ выпало, в именах сохранилось.

Из совсем мелких замечаний укажем на то, что в библиографии единым списком даны исследования и словари. Для последних лучше бы создать специальный раздел.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.14 — «Классическая филология, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Тихон Георгиевич Давыдов заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — «Классическая филология, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук

заведующий сектором компаративистики ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

Константин Геннадьевич КРАСУХИН

«14» сентября 2022 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 — «Классическая филология»,

10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Адрес места работы:

125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

Тел.: +7 (495) 690-35-85; e-mail: krasukhin@iling-ran.ru

Подпись К. Г. Красухина удостоверяю:

«14» сентября 2022 г.